

Желиховская Вера Петровна

**Из стран
полярных**

Вера Петровна Желиховская

Из стран полярных

Аннотация

*«...Доктор Эрклер, оказалось, был великий путешественник, по собственному желанию сопровождавший одному из величайших современных изыскателей в его странствованиях и плаваниях. Не раз погибал с ним вместе: от солнца – под тропиками, от мороза – на полюсах, от голода – всюду! Но, тем не менее, с восторгом вспоминал о своих зимовках в Гренландии и Новой Земле или об австралийских пустынях, где он завтракал супом из кенгуру, а обедал зажаренным филе двуутробок или жирафов; а несколько далее чуть не погиб от жажды, во время сорокачасового перехода безводной степи, под 60 градусами солнцепёка. – Да, – говорил он, – со мною всяко бывало!.. Вот только по части того, что принято называть **сверхъестественным**, -- никогда не случилось!.. Если, впрочем, не считать таковым необычайной встречи, о которой сейчас расскажу вам, и.... действительно, несколько странных, даже, могу сказать, -- **необъяснимых** её последствий...*

Вера Петровна Желиховская

Из стран полярных

Святочное происшествие

Ровно год тому назад довольно большое общество собралось провести зимние праздники в деревенском доме, вернее – в старом замке богатого землевладельца в Финляндии. Этот дом или замок был редким остатком капитальных, старинных построек наших прадедов, заботившихся о благосостоянии своих потомков более, чем мы, грешные; да, поистине сказать, имевших на то более достатков и более времени, чем наше разорённое, вечно спешащее поколение...

В замке было много остатков древней роскоши и праотцовского гостеприимства. Мало этого, были замашки средневековых обычаев, основанных на традициях, на суевериях народных, наполовину финских, наполовину русских, занесённых русскими хозяйками, их родством, их многочисленным знакомством с берегов Невы. Готовились и ёлки, и гадания, и тройки, и танцы, – всякие общеевропейские и местные и даже чисто-всероссийские вспомогательные средства для увеселения праздного, избалованного общества, которое предпочло, на этот раз, «лесную, занесённую снегами, трущобу», – как называл свои владения хозяин дома, праздничным городским увеселениям. В старом доме имелись и почерневшие от времени портреты «рыцарей и дам» – именитых предков, и необитаемые вышки с готическими окнами, и таинственные аллеи, и тёмные подвалы, которые легко было переименовать в «подземные ходы», в «мрачные темницы» и населить их привидениями, тенями отшедших героев местных легенд. Вообще, старый дом представлял многое множество удобств для романических ужасов; но в этот раз всем этим прелестям суждено было пропасть втуне, не сослужив службы читателям; они в настоящем рассказе не играют прямой роли, как могли бы играть в святочном происшествии.

Главный герой его, с виду весьма обыденный, прозаический человек... Назовём его... ну, хоть – Эрклер. Да! Доктор Эрклер, профессор медицины, полунемец по отцу, совсем русский по матери и воспитанию; по наружности тяжеловатый, обыкновенный смертный, с которым, однако, случались необыкновенные вещи.

Одну из них, по уверению его, самую необычайную, он рассказал небольшому кружку слушателей, окружавших его в боковой комнате, в то время, как в больших залах и гостиных шумное общество, возвратившись с катания, собралось чуть ли не танцевать.

Доктор Эрклер, оказалось, был великий путешественник, по собственному желанию сопровождавший одному из величайших современных изыскателей в его странствованиях и плаваниях.

Не раз погибал с ним вместе: от солнца – под тропиками, от мороза – на полюсах, от голода – всюду!

Но, тем не менее, с восторгом вспоминал о своих зимовках в Гренландии и Новой Земле или об австралийских пустынях, где он завтракал супом из кенгуру, а обедал зажаренным филе двуутробок или жирафов; а несколько далее чуть не погиб от жажды, во время сорокачасового перехода безводной степи, под 60 градусами солнцепёка.

– Да, – говорил он, – со мною всяко бывало!.. Вот только по части того, что принято называть сверхъестественным, – никогда не случилось!.. Если, впрочем, не считать таковым необычайной встречи, о которой сейчас расскажу вам, и... действительно, несколько странных, даже, могу сказать, – необъяснимых её последствий...

Разумеется, поднялся хор требований, чтоб Эрклер рассказывал скорее...

– В 1878 году пришлось нам перезимовать на северо-западном берегу Шпицбергена, – стал он рассказывать. – Пытались мы переплыть оттуда к полюсу летом; да не удалось – льды не пустили! Тогда решили попробовать добраться помощью салазок и лодок для переплывания трещин, но и это не удалось! Захватила нас темь, – беспробудная полярная ночь; льды приковали пароходы наши в заливе Муссель, и остались мы отрезанными на восемь месяцев от всего живого мира... Признаюсь, жутко было первое время! Особливо, когда, на первых же порах, поднялись бури и снежные вихри, а в одну ночь ураган разметал множество материалов, привезённых нами для построек, и разогнал, на погибель, сорок штук оленей нашего стада.

Все, кроме главного вожака нашей экспедиции, всегда готового к лютой гибели на пользу науки, очевидно приуныли... Голодная смерть хоть кого обескуражит, а ведь, олени, привезённые нами, были нашим главным *plat de résistance*[1] против полярных холодов, требующих усиленного согревания организма питательной пищей. Ну, потом полегчало... Свыклись! Да и привыкать стали к ещё более питательной, местной пище: моржовому мясу и жиру. Выстроила наша команда из привезённого нами леса домик, на две половины, для нас, т. е. для троих наших профессоров и для меня, и себе самим; деревянные навесы для метеорологических, астрономических и магнитных наблюдений и сарай для уцелевших оленей. И потекли наши однообразные, беспросветные сутки, почти не отделяемые на дню серенькими сумерками... Тоска бывала, порою, страшная!.. Так как из наших трёх пароходов двум предположено было вернуться в сентябре, и только прежде времени восставшие ледяные стены заставили остаться весь экипаж, то всё же надо было соблюдать изнурительную экономию в пище, в топливе, в освещении... Лампы зажигались только для учёных занятий; остальное время мы все пробавлялись Божьим освещением: луною да северными сияниями... И что это были за чудные, несравнимые ни с какими земными огнями, величественные сияния!.. Кольца, стрелы, целые пожары правильно распределённых лучей всех цветов. Особенно великолепны были также лунные ночи в ноябре. Игра света месяца на снегу и ледяных скалах – поразительна!.. Такие бывали волшебные ночи, что глазам не верилось, и жаль бывало порой, что нельзя перенести этих небесных фейерверков в страны населённые, где было бы кому ими любоваться.

Вот, раз, в такую-то цветную ночь, – а может и день, – ведь, с конца ноября до половины марта рассветов у нас не было совсем, мы и не различали, что день, что ночь... Ну, вот, раз смотрим мы, кто наблюдения делает, кто просто любит дивным зрелищем, вдруг в переливах ярких лучей, заливавших алым светом снеговые пустыни, вырисовывается какое-то тёмное, двигавшееся пятно... Оно росло и, будто, распадалось на части по мере приближения к нам. Что за диво!.. Будто стадо зверей или куча каких-то живых созданий брела по снежной поляне... Но звери здесь, как и всё – белые... Кто же это?! Люди?!

Мы не верили глазам!.. Да, кучка людей направлялась к нашему жилищу. Оказалось – более полусотни охотников за моржами, под предводительством Матиласа, хорошо известного в Норвегии ветерана-мореходца. Захватило их льдом, как и нас...

– Как вы узнали, что мы здесь? – изумились мы.

– Нас провёл старик Иоганн, вот этот самый, – указали нам моржеловы на почтенного, беловолосого старца.

Ему бы, по правде, на печке следовало сидеть, да разве лапти плести, а никак не в полярные моря на промысел ходить... Мы так и сказали, дивясь, к тому же, откуда узнал он о нашем присутствии и нашей зимовке в этом царстве белых медведей?.. На это Матилас и спутники его улыбнулись и убеждённо заявили, что «Иоганн всё знает»; что, видно, мы мало в северных окраинах бывали, когда не слышали о старом Иоганне, и дивимся ещё чему-нибудь, когда старожилы на него указывают...

– Сорок пять лет промышляю я в Ледовитом океане и сколько помню себя, столько знаю и его – и всегда таким же белобородым! – объявил нам вожак моржеловов. – Когда я с отцом, мальчишкой ещё в море хаживал, – прибавил он, – батька мне тоже о Иоганне рассказывал. И про своего отца и деда говаривал, что всегда и смолоду другим его не знавали, как таким же белым, как родные наши льды... С дедами нашими бывал он на промыслах всезнайкой, – таким же и доныне все промышленники его знают.

– Так что же ему, двести лет, что ли? – засмеялись мы.

И приступили некоторые наши молодцы из команды к нему с расспросами:

– Дедушка, сколько тебе годков будет?

– А и сам-де, не знаю, молодчики. Живу, – говорит, – пока Бог жить велит. Годов не считаю.

– А откуда ж ты узнал, что у нас здесь зимовка?

«– Бог указал», – говорит. – Сам не знаю, откуда узнал я, а знал верно... Вот и привёл. На людях легче им будет.

Им-то легче, но наш набольший крепко затруднился гостями. К весне, того гляди, и нашим людям придётся норвежским мхом питаться, для оленей припасённым; где ж тут ещё столько ртов принимать?.. Однако, старый Иоганн, не дожидаясь, чтобы мы свои опасения высказали, попросил только о приюте в сарае на несколько дней...

– Вот, как деньков через десять настанет перемена ветра, льдины-то расступятся. Наши судёнышки не то, что ваши махины: найдут себе щёлки для выхода. К Христову дню – будут иные у своих очагов, на родимых берегах, в Гамерфесте.

– Как так, – иные? – переспросили его.

– Да те, коим Бог присудит.

– А другие-то что же?.. С ними что ж станется?

– А со всеми будет воля Божья! – просто отвечал Иоганн.

А старик Матилас почесал голову и вздохнул при этом:

– Видно, не всем нам родимый порог суждено переступить!

Заинтересовали меня очень, признаюсь, эти два вожака отважных промышленников. Да и не меня одного; особенно, Иоганн этот. И, как увидите, не даром. Чудный старик оказался! Поистине, всё знал! И многое такое, чего наши учёные профессора не знали, т. е. в чём не совсем уверены были. Они на рассказы Иоганна только рты разевали... Каждый день после работ призывали мы его на свою половину, и начинались расспросы и дивования. Всего, что странный человек этот нам рассказывал, не передать и в три дня. Довольно того, что все его рассказы касались далёких, мифических времён; допотопных, доисторических переворотов на земном шаре; давно отживших рас, фаун и флор и не только в его северных, и в тропических странах.

Наш почтенный профессор В**, зоолог, ботаник и антикварий, то и дело подпрыгивал от изумления, определяя научные теории и гипотезы, которые узнавал в рассказах этого удивительного старца... Он говорил о погибших материках, о катаклизмах, изменивших лицо земного шара, породы животных и людские расы – так определённо, с такою уверенностью, как будто сам был очевидцем этих переворотов многих и многих тысячелетий. На расспросы наши: как, откуда он всё это знает? Иоганн всегда пожимал плечами и, кротко улыбаясь, отвечал, что «и сам не знает!.. Бог-де, поведал!.. Знаю, – видал!»

Раз только он мне одному сказал удивительные слова:

– Вижу я всё, что знаю. Вижу – не оком, а духом!.. Есть у меня высочайшая, семиоконная, духовная башня... В неё, за облака, под девяностоседьмые небеса возношусь я и оттуда созерцаю премудрость Божию!..

Мало того, что старый Иоганн дивил нас своими рассказами, он ещё более нас порастил своими сведениями о недугах человеческих, о тайных силах магнетизма, ясновидения и тому подобных, – сорок лет тому назад почти неведомых науке, – свойствах духа человеческого. Дня за три до его ухода от нас, наш товарищ химик К** сильно заболел удушьем. Он прежде страдал астмой, но припадки несколько лет не возобновлялись, и он считал себя излеченным. Но этот приступ был так силен, что я считал его погибшим, когда в комнату неожиданно вошёл Иоганн.

Онъ подошелъ безъ зову, какъ власть имѣющій, и началъ дѣлать пассы надъ больнымъ.

Он подошёл без зову как власть имеющий и к величайшему удивлению нашему начал делать пассы над больным, сосредоточенно устремив взгляд на лицо его. Мы невольно отошли, наблюдая... Не прошло и нескольких минут, как К** стал свободнее дышать, перестал метаться и скоро окончательно успокоился, глубоко заснув под магнетическими пассами старика!

На другой и на третий день Иоганн его магнетизировал снова и сказал, что он будет здоров...

– Надолго ли это? – спросил тот.

– Думаю, что навсегда... По крайней мере, обещаю, что припадки не возобновятся при моей жизни! – было ответом.

Все мы переглянулись... Профессор химии был человек под сорок всего, а моржелов годился ему в деды. Он будто угадал наши мысли.

– Дня же своего и часа не ведает никто! В нём волен Бог! – сказал он. – Но... я имею право рассчитывать ещё на довольно продолжительную жизнь.

– Неужели?! – изумились мы. – Но почему же?

– Мне так сказано... Я ещё не окончил своего дела.

– Тебе это сказано – там? – начал было необдуманно я, но не успел договорить, как собирался: «в твоей семиоконной духовной башне», – я не успел выдать этих слов его, мне одному доверенных, и сам доныне не знаю почему?.. Что-то сжало мне горло и язык не повернулся, словно какая-то сила окаменила его...

В ту же секунду старик взглянул на меня укоризненно и вышел.

Я догнал его на пороге нашего жилища, чувствуя, что обязан просить у него прощения. Ночь была дивная!.. В фосфорических переливах небесных сияний льды горели брильянтовыми искрами и сияли самоцветными радугами.

– Ты, дедушка, прости меня, – начал было я, но он перервал меня.

«– Бог простит», – говорит. – Не ты, а я виноват, что неосмотрительно разбалтываю то, о чём говорить не приходится. Да ничего! Говори себе, рассказывай о моей башне кому хочешь, – неожиданно прибавил он, словно угадав моё намерение спросить его, – только не теперь! Не при мне, чтобы не узнали люди ваши и все... Тогда, ведь покою не дадут мне!

– Не буду! Не буду! – поспешил я его успокоить. – Только скажи ты мне, любезный друг, кто тебя научил пользоваться той силой, которой ты вылечил нашего товарища?

Иоганн посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом и сначала было отвечал своим всегдашним ответом:

– Бог, де, выучил...

Однако, на усиленные просьбы мои рассказать, как он открыл свои магнетические способности, он объяснил, что никто ему на них не указывал, а признал он их сам в себе исподволь, понемногу.

– Зачем же и хожу я на промыслы со своими? – предложил он мне вопрос. – Неужели, думаешь ты, за наживой?.. Нет, милый человек, – барышей их мне не нужно! Да я и прав на них не имею, не помогая им в их трудных заработках... Опасностей промысла я не боюсь, – опять угадал он мою мысль, – нет! Не опасности, а греха! Никогда не обагрят я рук в чьей-либо крови. Никогда не касались уста мои животной пищи. Мне незачем лишать жизни тварей Божьих. Я скорблю и за других-то, что лютая нужда заставляет людей промышлять кровью, – лишать жизни творений Господних... Хожу я на промыслы и буду ходить, пока в силах, для того, чтобы помогать и врачевать. Много раз приходилось мне пользоваться Богом данными мне способностями: облегчать недуги товарищей, выводить их из опасности... Вот, как теперь, вывел я из-под метелицы и довёл до вашего жилья всю партию. А то, ведь, уж у нас нечем было огоньку развести, да и перекусить им, беднягам, почти что ничего не оставалось... Вас мы не объели: ещё наши же люди вам промыслили запасов, а сами всё же от вихрей да стужи укрылись.

А моржеловы точно за эти дни набили нам и моржей, и медведей, и рыбы наловили большой запас.

– Вот через три дня уйдём к Серому Мысу, – закончил старик свою речь. – Надо попытаться доставить мою партию по домам... тех, кому суждено уцелеть!..

– А не всем суждено это? – спросил я.

– Не всем! – покачал головой Иоганн. – Я боюсь, что вернётся наша ватага без головы...

– Как?.. Матилас? – спросил я, изумившись. – И это ты знаешь, старина?

– Эх, – говорит, – барин! Мало, что я знаю! «Больше на горе своё, чем на радость... Редко», – говорит, – кому мне приходилось говорить о знаниях своих, как тебе. А тебе и таким как ты – говорить мне приказано... Такие, как я, больше должны молчать; но иногда тем, кто уши и глаза не закрывают от премудрости Создателя всех сил, мы должны открываться... Пусть истина пробивается в мир хоть редкими, окольными путями, пока не наступит ей время прорваться с большей, неодолимой силой и ярче озарить свет, чем наши полярные ночи освещают эти Божьи, чудные огни! – указал он на северное сияние.

А я, признаюсь, смотрел на него в изумлении и не совсем доверяя. Я нарочно переспросил: «Такие-де, как ты» !..

– Но разве ж ты, старина, точно какой-нибудь особенный человек?

– Да, – говорит. – По нынешним временам я – особенный! Таких, как мы, теперь мало... В будущем земном круге нас опять станет больше, а ныне осталось очень мало...

– Но кто же ты такой? – не выдержал я. – Колдун, что ли?

Старик усмехнулся.

– Колдун – бессмысленное слово! – сказал он. – По крайней мере то, что люди понимают под этим названием, ничего не объясняет, а напротив, затемняет людские понятия... Я один из не утративших третьего ока!.. Ока духовного, которым щедрее были одарены пра-праотцы наши; которое с течением веков, разовьётся снова в далёких пра-правнуках наших, когда люди перестанут бороться с истиной, с Силой сил! И чем скорее сдадутся люди плоти, люди греха, на убеждения всеильной истины; чем скорее восторжествует воля немногих людей духа над упорством людей плоти. – тем скорее человечество поймёт свои ошибки! Тем полнее восторжествует свет истины над одолевшими его ныне грубыми силами праха и тлена!

– Вот смысл удивительных речей старика норвежца, сказанных им мне в ту величавую ночь на ледяных берегах Шпицбергена, которую я никогда не забуду! – заключил доктор Эрклер свой рассказ. – Да если б и хотел я забыть старца Иоганна, он бы мне этого не позволил!

Мы, его внимательные, хотя несколько скептические, слушатели изумились и снова насторожили внимание.

– Как же так, не позволил?.. Чем?.. Какою силой?

Некоторые из нас уже составили было отдельные кружки, рассуждая о странном рассказе доктора; большинство, разумеется, отнеслось к нему скептически. В особенности критически к нему отнеслись двое молодых людей, студент из Дерпта с довольно окладистой бородой и совсем безбородый врач, только что сорвавшийся со скамейки. Теперь, услышав это последнее заявление своего учёного собрата, юный доктор умолк, покосившись на него поверх очков; за ним его собеседник и почти все уставились на Эрклера.

– Как и чем Иоганн не позволил вам о себе забывать?

Почтенный доктор помолчал; потом окинул всех таким взглядом, будто мысленно вопрошал нас: «Да полно! говорит ли уж вам?..» Наконец, как бы решившись, скороговоркой отрезал:

– Да тем, что каждый раз, как мне случалось о нём рассказывать, – поминать его удивительные знания, его загадочные силы, – непременно случалось что-либо... странное! – совершенно неожиданное и... необъяснимое!

Эти слова породили неловкое молчание...

Наконец, одна старушка, тётка хозяина дома, спросила:

– Что же именно?.. Что-либо дурное?.. Неприятное?

– Да, да!.. И с кем?.. С вами, доктор? – спросил высокий, весело глядевший на всех господин, – местный мировой судья. – Или не вы один страдаете от дружеских напоминаний вашего колдуна из-под северного полюса, а и мы все не вне опасности?

– Не беспокойтесь! – отвечал профессор, улыбаясь на всех его окружавших, – опасного нет ничего в визитных карточках Иоанна... Чаше бывает смешное...

– Неужели совместно с достоинством такого мага злоупотреблять своей силой? Подшучивать ею над безобидными смертными, как какому-нибудь проказнику из царства гномов? – иронически спросил студент.

– Это недостойно современника великих праотцов и патриархов! – поддержал его юный эскулап, сморщив под очками нос в насмешливую гримасу.

– Почему же! Да воздаётся каждому по делам его и заслугам! – сказала тётушка Амалия Францевна. – Иной шут гороховый и не стоит серьёзного урока...

– А проучить его необходимо! – закончил Эрклер, добродушно улыбаясь. – Нет, серьёзно, – продолжал он, – мне приходилось не раз вспоминать моего знакомого с Шпицбергена. В особенности, наш последний разговор...

– При свете северного сиянья? – прервали доктора.

– Нет, – возразил он, – в серенькую ночь, которая собственно была утром... Ровно через три дня, как он и предсказывал, по излечении им нашего товарища, Иоганн отплыл со своими моржеловами, пользуясь переменной ветра, разогнавшего льдины. Прощаясь, он сказал мне: «Если я вам когда-нибудь понадобится, подумайте обо мне! Пожелайте сильно, всей вашей волей, всем разумом» ...

– Разумом?! – насмешливо прервал юный эскулап.

– «Всей силой духа вашего», – не смущаясь, продолжал профессор медицины, – «и я постараюсь быть вам полезным; если придётся, даже, увидиться с вами» ...

– Представ среди полымя и смрада, как Мефистофель? – широко, но не без претензии, улыбаясь, вставил бородатый студент.

– «Если придётся, – с вами увидиться!» – повторил Эрклер. – «Но, без особой нужды, не призывайте меня», – говорил!

– И что же? Вы призывали?.. Вы его видели? – опять перебили доктора те же неутомимые слушатели.

– Нет! – сухо отозвался рассказчик, – не призывал, именно, потому, что не было крайней нужды в его помощи. Но совершенно уверен, что если призову, то увижу.

– Совершенно уверены?! Herr Professor, вы нами забавляетесь?

– Извините! Я только рассказываю факт: я верю в необычайные силы и способности Иоганна, во-первых, потому, что имею безумие считать наши узкие знания, вашу миниатюрную, близорукую науку весьма несостоятельными вспомогательными средствами к постижению всех дивных, могущественных сил, сокрытых в человечестве и в окружающей нас природе; а во-вторых, потому, что он не раз давал мне, без всякого с моей стороны призыва, удостоверения в том, что не прервал со мной духовных сношений...

Мы переглянулись изумлённые, а студент и его соумышленник весьма неучтиво рассмеялись.

– Позвольте мне окончить мой рассказ, и я перестану смешить вас и злоупотреблять вашим терпением, – серьёзно отнёсся к ним доктор Эрклер. И продолжал, обернувшись к другим слушателям. – Я должен ещё сознаться вам, господа, что я верил бы в необыкновенные способности старика Иоганна и в существование подобных ему, удивительных субъектов, – хотя сам не встречал других таких, как он, – по собственному убеждению возможности их бытия... Но, в этом случае, я даже не имел бы права ему лично не верить, если бы, вообще, и не допускал таких ненормальных явлений, потому именно, что всё сказанное им сбылось. Вы знаете, К**, нашего уважаемого профессора химии, господа? Спросите его: радикально ли он излечен от астмы. Он скажет вам, что, несмотря на его последующие путешествия к северу и долгие пребывания в областях вечных льдов, не только припадки удушья его не повторялись, но он даже никогда не простужался, стал здоровее, чем когда-либо...

Потом, бедный вожак моржеловов, норвежец Матилас, точно более не видал родного крова: он, в числе пятнадцати человек, – из пятидесяти восьми отважных охотников, которым мы оказывали гостеприимство в заливе Муссель, – задержанные временно льдами на Сером Мысе погибли на охоте за белыми медведями. Возвращаясь весной в Европу, мы видели его могильный камень на пустынном берегу...

Наконец, те знаменательные слова, которые дед Иоганн сказал мне на прощание, пред исчезновением их утлой флотилии между трещинами ледяных скал, в узких проливах, образованных временно разошедшимися льдинами, – должны были бы каждого убедить в необъяснимом могуществе его, потому что он не раз выполнял их косвенное обещание...

– А какие же это были слова? – спросила старушка Амалия Францевна, жадно уставившись на доктора.

– Вот они, – исключительно к ней обратился профессор, – он сказал: «Я, может быть, вам буду иногда напоминать о себе». Иоганн сказал это мне, склонившись с лодки, которую уже отталкивали от берега. За ним отплыли и остальные... Я стоял и глядел им вслед, пока высокая фигура старика, стоявшего у руля, кормчим передовой ладьи, не скрылась в сумерках; пока заиндевелая серебряная борода его не слилась в белесоватом тумане полярной, лунной ночи – я не мог от него глаз отвести!..

– И больше вы его не видали?

– Не видал. Но... иногда...

– Что такое?.. Что – иногда?

– Иногда мне чудилось, что я... чувствую его близость, – его присутствие!

И доктор Эрклер весьма красноречиво пожимался, неопределённо осматриваясь вокруг...

Тут произошло нечто неожиданное.

В комнату вбежали молодые хозяева дома, необыкновенно оживлённо сзывая всех:

– Что вы сюда забрались! Идите скорей! Скорее – смотрите какое необыкновенное явление на небе!.. Говорят, что это отражение северного сиянья... Чудо! Чудо как красиво!.. Всё небо в алом зареве и в лучах. Пойдёмте скорей!

Все мы бросились вслед за убежавшей молодёжью и действительно увидели, в окнах дальней комнаты великолепный отблеск полярного сиянья. Хозяева распорядились потушить огни в северной стороне дома, на вышке-фонарике, и те, кто не поленился туда взойти, любовались вдвойне величественным зрелищем. Несколько слушателей доктора, в том числе и я, взойшли на верх и вновь прослушали целую лекцию его о северных сияниях. Оканчивая описание одного из таких явлений, виденных им в арктических странах, он, указывая нам на потухавший алый свет, сам взглянул в окно и, вдруг вздрогнув, умолк и припал к стёклам...

Стоя рядом, я невольно подалась к окошку, следуя по направлению его взгляда, и увидела, среди широкой, пустынной площадки, пред парком, занесённым глубоким снегом, очень высокого, плечистого человека. Он шёл от дома, словно только что вышел из него и, не спеша, направлялся в среднюю аллею... Дойдя до предела площадки, ярко освещённой луною, он остановился, обернулся лицом к нам и взглянул на окно...

Мы увидели лицо очень благообразное, но совершенно обыкновенное. Черты седого старика, обрамлённые меховой шапкой и длинной белой бородою; но я его видала лишь мельком, отвлечённая необыкновенным состоянием доктора, который весь дрожал и вдруг, сорвавшись с места, бросился вниз с лестницы в ту именно минуту, когда один из молодых хозяев, стоявший возле нас, удивлённо произнёс:

– Кто этот старик? И куда он идёт?.. Парк теперь заперт... Откуда взялся он? Я никогда его не видел!

Немудрено... Вероятно, не один наш молодой хозяин не видал его ни прежде, ни после... Старика не нашёл и выбежавший за ним на мороз, без шапки, доктор Эрклер. И кого мы не расспрашивали о нём, впоследствии, – гостей, хозяев и дворню, – никто такого старика не видел, и никто не знал его, – кроме нашего рассказчика, профессора медицины... Он-то знал!

Да только не пожелал ни назвать его, ни сознаться в том, что узнал старого знакомого...

Тем не менее для нас, из его внезапной задумчивости было ясно, что если белобородый старик, мелькнувший нам в парке, и не был сам Иоганн, то за него был он принят профессором.

Однако появлением неизвестного старца не ограничились неожиданные события этого святочного вечера. Среди возобновившихся забав и оживления, кто-то вдруг вспомнил отсутствовавших друзей, – юного медика и зрелого студента.

Где они?.. Никто не знал. Никто не видел их с тех пор, как все мы двинулись смотреть небесное явление, отблеск далёкого полярного сияния. Все думали, что и они были с нами... Но нет! По строгом исследовании оказывалось, что они в жару рассуждений о рассказе Эрклера замедлили в той дальней комнате и не пошли вместе с нами, а остались, чтобы договориться.

Их бросились искать. Хозяева разослали прислугу по всему дому; потом по службам, наконец – по саду и парку; но нигде ни следа медика, ни дерптского студента!

Наконец, на самом дальнем южном конце громадного дома послышались откуда-то сверху крики... Жалобные призывы на помощь.

Все гурьбою устремились туда, по коридорам, по лестницам, по крутым, витым ступенькам, на противоположную тому фонарику, откуда мы смотрели на сияние, необитаемую, ещё более высокую вышку, служившую складом для всякого ненужного хлама. Из-за её запертых на крючок узеньких дверей неслись отчаянные крики и стук; в них беспощадно колотили до опухоли избитыми кулаками рассвирепевшие друзья.

– Сейчас! Сейчас!.. Слышим, идём! – кричали издали заключённым, старавшиеся столкнуть запоры их тюрьмы – заржавевший в петле крючок, долго не поддававшийся стараниям.

И вот они оба, – врач и студент предстали наконец из холодной, пыльной, тёмной кладовушки, в самом печальном виде: испачканные, промёрзлые, обозлённые.

– Как вы сюда попали?.. Как это могло случиться?.. Кто вас здесь запер?..

– Разве мы знаем?.. Чёрт или какой-то негодяй! – сердито закричал медик.

– Мы вышли вслед за вами, но в зале нам сказали, что все пошли наверх, – объяснил студент. – Тут в коридоре, какой-то человек, старик, – мы приняли его за слугу, – очень учтиво предложил нас проводить и пошёл сюда со свечей в руке. Мы за ним...

– Да! Чёрт его побери! – перебил медик весь трясаясь от злости. – Мы за ним! Он, дойдя до двери, учтиво пропустил нас вперёд и бац – крючок в петле!..

– А мы – в тёмной западне! – закончил товарищ.

– О, бедные! И просидели во тьме и холоде три битых часа? Но кто же, – кто мог сыграть с вами такую злую шутку?! – негодовали хозяева и гости.

Да! В том-то и была задача: кто это сделал?..

Как ни разыскивали виноватого, как ни хлопотали узнать его смущённые хозяева, – его не оказалось!

– Ещё один странный случай к вашим воспоминаниям о старце Иоганне? – коварно шепнула Эрклеру старая тётушка. – Ещё одна его «визитная карточка»?..

Но тот только весело глянул на неё, сдерживая улыбку, но ничего не отвечал.

Примечания

1

главное блюдо – фр.
(обратно)